

На правах рукописи

ЖУКОВА Татьяна Евгеньевна

**ПОЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПОВЕСТЕЙ
ВЛАДИМИРА МАКСИМОВА 1960-Х ГОДОВ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тамбов 2004

Работа выполнена на кафедре русской филологии Тамбовского государственного технического университета

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Попова Ирина Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Сарычев Владимир Александрович

кандидат филологических наук, доцент
Зверева Екатерина Анатольевна

Ведущая организация Мичуринский государственный педагогический институт

Защита состоится «___» _____ 2004 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.261.03 в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 93, институт филологии ТГУ имени Г.Р. Державина.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ТГУ имени Г.Р. Державина (ул. Советская, 6).

Автореферат разослан «___» _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.В. Пискунова

Подписано к печати 15.10.2004

Гарнитура Times New Roman. Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем: 1,28 усл. печ. л.; 1,26 уч.-изд. л.

Тираж 100 экз. С. 700

Издательско-полиграфический центр ТГТУ
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Повести Владимира Емельяновича Максимова (1930 – 1995 гг.) «Мы обживаем землю» (1961), «Жив человек» (1962), «Баллада о Савве» (1963), «Дорога» (1966), «Стань за черту» (1967) органично вписались в художественную прозу 1960-х годов и вызвали доброжелательные оценки критики. Такие характерные особенности ранних произведений талантливого писателя, как живой отклик на современные проблемы, создание нового типа героя, в котором социальная среда деформировала душу и сделала «изгоем», психологизм повествования, решение поставленных проблем с общечеловеческой нравственной позиции, следование традициям русской классической литературы в утверждении художественной аксиологии, сделали первые повести Владимира Максимова объектом активного исследования отечественными литературоведами¹.

Особое внимание критика обращала на стиль писателя, отмечая колоритный язык произведений, отличающийся просторечиями и эффектным использованием метафорической символики. Вместе с тем умалчивалось, что обращение писателя к христианской тематике было откровенным в советской литературе 1960-х годов.

Несмотря на кажущееся изобилие критических отзывов, именно первый период творчества писателя настоятельно требует научного осмысления с позиций современной науки. Все отклики на первые повести и рассказы Владимира Максимова появлялись «по горячим следам» и относились к 1962 – 1971 годам, затем проза художника недостаточно полно исследовалась в России. Зарубежная же критика и литературоведение занимались почти исключительно его романами, называя раннюю прозу своего рода подготовительной к настоящему творчеству. Например, французский критик Виолетта Иверни, посвятившая обстоятельную статью романистике писателя, упоминает о его повестях лишь с точки зрения развития в них главной идеи романа «Семь дней творения». Исследователь подчеркивает, что Максимов «испытывает почти болезненное стремление» через посредничество первых героев Виктора Суханова («Мы обживаем землю»), Сергея Царева («Жив человек»), Ивана Васильевича Грибанова («Дорога»), Михея («Стань за черту»), Савву («Баллада о Савве») – «пробиться к зернышку, из которого произрастает этот таинственный плод – дитя человеческое... В чем его предназначение? Какой незримый долг лежит на нем, какую миссию послано оно исполнять сюда, на эту грязную, воющую, дивную землю?»².

В последнее десятилетие творчество В.Е. Максимова активно изучается, но все диссертационные исследования посвящены опять-таки романистике писателя³.

Актуальность исследования, таким образом, обуславливается сложившейся в литературоведении ситуацией по отношению к Владимиру Максиму и настоятельной потребностью выявить значимость раннего творчества писателя путем многоаспектного анализа его прозы этого периода. Разностороннее изучение повестей «Мы обживаем землю», «Жив человек», «Дорога», «Стань за черту» и «Баллада о Савве» позволяет получить более глубокое представление о логике развития творчества Владимира Максимова, а также, в какой-то мере, всей русской литературы 1960-х годов, что связано с одним из приоритетных направлений современного литературоведения – исследованием литературного процесса второй половины XX столетия.

Объектом исследования являются повести писателя 1960-х годов: «Мы обживаем землю», «Жив человек», «Дорога», «Стань за черту», «Баллада о Савве».

Предметом изучения становится идейно-философская основа и поэтическая структура ранней прозы Владимира Максимова.

Цели исследования включают в себя осмысление идейно-тематических и нравственно-философских устремлений писателя, образной системы его повестей, поэтических и жанрообразующих

¹Светов, Ф. Жив человек / Ф. Светов // Известия. – 1962. – № 250; Осетров, Е. Поэзия и проза «Гарусских страниц» / Е. Осетров // Литературная газета. – 1962. – 9 января; Берзер, А. Победил человек / А. Берзер // Новый мир. – 1963. – № 4; В. Спор века / В. Бушин // Звезда. – 1963. – № 3; Гордеева, Н. Грани добра и зла. Полемические заметки о повести В. Максимова «Стань за черту» / Н. Гордеева,

В. Дудинцев // Комсомольская правда. – 1967. – 5 июня.

²Иверни, В. Постыжение / В. Иверни // В литературном зеркале. О творчестве Владимира Максимова. – Париж – Нью-Йорк: Третья волна, 1986. – С. 35.

³См., например: Дзиов, А.Р. Проза Владимира Максимова / А.Р. Дзиов // Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. – СПб., 1994. – 160 с.; Шахова, Л.А. Функции интертекста в романистике Владимира Максимова (на примере романа «Ковчег для незваных») / Л.А. Шахова // Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Тамбов, 1999. – 162 с.; Баклыков, А.В. Жанровое своеобразие романа Владимира Максимова «Кочевание до смерти» / А.В. Баклыков // Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Тамбов, 2000. – 189 с. Вартанова, Л.Е. Художественная концепция личности в творчестве В. Максимова / Л.Е. Вартанова // Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Армавир, 2001. – 160 с. и др.

особенностей, выявление значимости ранней прозы Владимира Максимова в контексте современной писателю прозы 1960-х годов.

Задачи, стоящие перед автором диссертации, связаны с указанными выше целями исследования:

–изучить мотивную структуру повестей Владимира Максимова «Мы обживаем землю», «Жив человек», «Дорога», «Стань за черту», «Баллада о Савве» в аспекте их философско-художественного содержания;

–проанализировать символику повестей, роль пейзажных и портретных зарисовок, систему образов, функциональность художественных приемов, особенности выражения авторского сознания и строения ранних произведений Владимира Максимова;

–проследить динамику идейно-эстетических взглядов писателя от первой по хронологии повести «Мы обживаем землю» (1961) до последней – «Стань за черту» (1967);

–определить связь ранней прозы Владимира Максимова с крупными эпическими произведениями художника и, в частности, с его первым романом «Семь дней творения» (1971).

Методы исследования совмещают биографический, историко-функциональный, сравнительно-типологический, герменевтический и нарратологический подходы к изучению художественных произведений.

В основу диссертационного исследования положена следующая **рабочая гипотеза**: в ранних повестях Владимира Максимова «Мы обживаем землю», «Жив человек», «Стань за черту», «Дорога» и «Баллада о Савве» художественно воплощены основанные на глубоко личном биографическом опыте философско-этические представления о русском национальном характере, обусловившем, по мысли автора, историческую судьбу России. Многообразие аспектов нравственной проблематики повестей «вылилось» в более сложную жанровую эпическую форму в романе «Семь дней творения».

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в диссертации проводится целостный анализ ранней прозы Владимира Максимова как идейно-эстетического единства, обнаруживающего цикличность, возникающую «на границах отдельных составляющих эту форму произведений»⁴. Диссертация, обобщая уже сказанное отечественным литературоведением 1960-х годов, а также зарубежными исследованиями конца XX века, представляет анализ проблемно-тематической и стилистической основы повестей Владимира Максимова «Мы обживаем землю», «Жив человек», «Стань за черту», «Дорога» и «Баллада о Савве», в результате которого обнаруживается разделение повестей на циклы и обосновывается это деление единством авторского замысла, проблематики и поэтики произведений. Впервые обращается внимание на то, что в своем собрании сочинений Владимир Максимов расположил повести в отдельном томе не по хронологии, а по логике художественной мысли, тем самым подчеркнув их заданную циклическую связанность.

Предметом специального исследования впервые становится динамика аксиологического и поэтического аспектов произведений русского писателя 1960-х годов, которые рассматриваются в неразрывной связи с романистикой писателя 1970-1980-х годов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1 Повести Владимира Максимова «Мы обживаем землю», «Жив человек», «Стань за черту» представляют собой триптих, а повести «Дорога» и «Баллада о Савве» – диптих, что обосновывается единством проблематики, наличием «сквозных» персонажей, мотивов, символов и сходством художественных средств в их совокупности. В целом названные пять произведений являются важным этапом творческой эволюции писателя, так как в них ставится и решается с помощью разнообразных поэтических средств (и по нарастающей) проблема ответственности человека не только за свою жизнь, но и за историческую судьбу своей Родины.

2 Тесно связанная с философской проблемой смысла человеческого бытия проблема судьбы России воплощается в повестях Владимира Максимова в следующих аспектах: необходимость познания окружающего мира и роли человека в нем («Мы обживаем землю»); важность познания самого себя и способность самопожертвования во имя ближнего («Жив человек»); умение противостоять жестоким обстоятельствам и служить добруму, вечному, а не злему и суетному («Дорога»); нужность возвращения к христианским заповедям милосердия, покаяния, всепрощения («Стань за черту»); стремление к духовному очищению, к «рождению в духе» как основному смыслу бытия («Баллада о Савве»).

⁴ Дарвин, М.Н. Циклизация в лирике. Исторические пути и художественные формы / М.Н. Дарвин // Автореф. дис... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 1996.

3 В ранней прозе Владимир Максимов разрабатывает различные жанровые разновидности эпического произведения, которые затем станут романским, жанровым синтезом в его творчестве. «Мы обживаем землю» – романтическое повествование с трагическим финалом; «Жив человек» – лирическая исповедь с драматическим концом; «Дорога» – социальная повесть с элементами «производственной драмы»; «Стань за черту» – драматизированное повествование в классицистическом духе с соблюдением закона «трех единств» и трагической коллизией; «Баллада о Савве» – притчевое повествование с неожиданной лирической концовкой.

4 Поэтическое своеобразие ранней прозы Владимира Максимова заключается в доминировании следующих средств выразительности и образности: использование евангельской символики (звезда, небо, земля, слепец, дорога, море); многофункциональность пейзажных зарисовок, выполняющих роль антитезы, обрамления и психологического параллелизма; психологическая характеристика образов с помощью снов и видений, употребление приемов самораскрытия героев, портретных зарисовок, «говорящих деталей» для выражения авторского сознания.

5 Применение особых пространственно-временных отношений, служащих важной формой выражения художественного мировидения, позволяет писателю наиболее полно претворить свой авторский замысел в эпическую форму. Во всех повестях Владимира Максимова доминирует повествовательный хронотоп, ориентированный на воссоздание связи событий исторических с внутриличностными, взятыми в их мифопоэтическом контексте. Писатель широко использует архетипы: дом, лес, путь, блудный сын, а также антиномические характерные концепты: свет-тьма, жизнь-смерть, любовь-ненависть – для создания своей аксиологической системы.

6 Все названные аспекты философско-нравственных проблем, поставленных в ранних повестях Владимира Максимова, будут сфокусированы и представлены более широко в его романе «Семь дней творения», «предтекстами» которого являются все пять повестей в своей совокупности.

Методологической и теоретической базой диссертационного исследования являются труды известных литературоведов, историков и теоретиков литературы, таких, как В.В. Виноградов, Б.В. Томашевский,

М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Б.М. Корман, В.Е. Хализев, а также работы Н.Л. Лейдермана, В.В. Тюпы, И.В. Саморуковой, Б.М. Гаспарова, Г.Д. Гачева, Е.М. Мелетинского, В.П. Руднева, В.Н. Топорова, О.М. Фрейденберг и других. Автор опирается на работы отечественных и зарубежных ученых, обращавшихся к прозе Владимира Максимова, среди которых В. Иверни, З. Маурина, И. Рубин, П. Равич, В. Марамзин, Ж.-П. Морель, Ф. Эберштадт, Л. Аннинский, Л. Фоменко, И. Золотусский, А. Бочаров, И. Попова и другие.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она способствует более глубокому уяснению теоретических аспектов жанра повести, художественного единства циклических форм, а также в целом методологии реализма.

Практическое применение.

Результаты научного исследования могут быть использованы при чтении лекционных и специальных курсов, проведении семинарских занятий по истории русской литературы второй половины XX века.

Апробация диссертационного исследования.

Основные положения диссертации и отдельные проблемы исследования неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры русской филологии Тамбовского государственного технического университета, а также были представлены на Юбилейной Международной научно-практической конференции «Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия» в 2004 году в городе Пенза, на II Всероссийской конференции «Текст: теория и методика в контексте вузовского образования» Тольяттинского государственного университета в 2004 году. Основные положения диссертации изложены в семи публикациях.

Структура и объем работы.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний и списка использованной литературы.

Во введении представлен объект исследования – ранние повести Владимира Максимова 1960-х годов, обосновываются новизна и актуальность исследования, выдвигается гипотеза о философско-поэтических достоинствах избранных для изучения произведений, представляются методы исследования, описывается структура диссертации и ее теоретическое и практическое значение, формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава первая «Проблемно-художественное своеобразие триптиха Владимира Максимова ("Мы обживаем землю", "Жив человек" и "Стань за черту")» состоит из нескольких частей, каждая из которых посвящена анализу отдельных сторон философско-поэтического содержания повестей в аспекте художественного единства циклической формы первого тома собрания сочинений писателя.

В первом параграфе «"Печоринствующий тип" в повести Владимира Максимова "Мы обживаем землю"» и способы его воплощения» изучается проблема разочарования жизнью, безверия, «смертного греха» уныния. Центральный герой повести Виктор Суханов уверился на жизненном опыте, что люди «ничтожны и мелки». Разочарованный в жизни и людях, герой ищет «высокие» цели, желая понять свое предназначение. Оказавшись свидетелем высокой трагедии, где, казалось бы, «мусор, а не человек» цыган Мора проявляет великодушие, Виктор осознает цену человеческой жизни, меняется и его видение человека.

В суровой тайге все персонажи сбрасывают «маски» и предстают в момент совершающейся трагедии «с обнаженной душой». «Печоринствующий» герой Владимира Максимова тоже меняется.

Становится очевидной эволюция главного героя: от осуждения людей он приходит к пониманию сложности жизни, от ненависти и презрения – к сочувствию и жалости, от слепоты – к прозрению христианской истины: «не судите...».

Онтологическая проблема, поставленная автором, разрешается: герой обретает смысл бытия, который заключается в «со-существовании» с людьми. «Соцколлектив» в начале повести «превращается» в финале в христианское единение.

Раскрытием основной идеи – познание души человека – объясняется фабульное изложение событий: первоначальное наблюдение – поступок – истинное лицо человека. Слово «душа» является ключевым в повести: автор показывает, как через деяния других раскрываются «ростки доброго» в душе героя. Максимов прослеживает именно психологию поступка, поэтому, используя традиционную для классической литературы модель: помещение героя в ситуацию «на пороге» между жизнью и смертью, местом действия повестей становятся «кулички», Крайний Север. Повествование от первого лица дает возможность откровенного разговора главного героя с читателем, поэтому последний здесь – соучастник событий. Этим объясняется некоторая недосказанность: мы лишь догадываемся о том, что произошло.

Своеобразная жанровая форма повести обусловила ее построение. Произведение состоит из двенадцати номинированных глав, в трех из которых выделены имена участников произошедшей трагедии: Колпакова, с появлением которого разворачивается действие, виновницы измены – Христины, а также Моря, совершившего подвиг прощения поруганной любви – уход из жизни ради счастья возлюбленной. В названии повести усматривается библейский смысл: каждый вновь «обживает грешную землю», пройдя через очистительные страдания – к духовному перерождению. «Обживать землю» – это «сквозное» концептуальное понятие всех пяти повестей, символическая наполняемость которого усиливается от повести к повести.

Важную роль в арсенале поэтических средств повести «Мы обживаем землю» играют такие художественные приемы, как сны, видения, письма, которые создают эффект самораскрытия, обнажения глубин духа персонажей. Психологические пейзажные зарисовки, метафорические портреты, библейская символика способствуют созданию ярких образов героев. Описания природы наполнены символическим смыслом. Море, река, «океан тайги» несут концепты святости, величия и покоя. Пейзаж у Максимова всегда одушевлен: лесные ручейки «выбегают из травы и бросаются под ноги путнику», реки «загадывают человеку загадки»⁵.

Для понимания авторской концепции важна символика тишины («таежное безмолвие», «речная тишина»). Молчание природы вызывает в персонажах ранних повестей Максимова чувство подавленно-

⁵ Максимов, В.Е. Собр. соч.: В 9 т. / В.Е. Максимов. – М.: Терра, 1991. – Т. 1. – С. 11.

сти: «все видится жалким, малозначащим»⁶. Человек ощущает присутствие Всемогущего и испытывает страх перед неизвестным, ибо люди ведут «смертную гонку», стараясь переиграть Природу.

Концепт «дитя» пронизывает обе первые повести Владимира Максимова. Ребенок – это будущее. Носителем грядущего выступает Женщина. В повестях «Мы обживаем землю» и «Жив человек» героини беременны. Их мужчины гибнут, а женщина во имя продолжения рода сносит все страдания и выживает, рождая новую жизнь: «обживать землю» предстоит другим поколениям. Автору важна мысль о нескончаемости жизни, ее Вечности.

Другой аспект символа «детскости» – библейский. По мнению автора, все люди – дети Природы, Бога. Они грешат, «гневают» Всевышнего. Но им многое прощается, хотя жизнь и наказывает их. Так, Димка Шилов становится «как ребенок», когда, осознав свою вину перед Морой, пытается спасти его. Больной Димка лежит в позе ребенка: положение «дитя» в утробе матери. Он невольно погубил человека, но через раскаяние и осознание вины «очистился», поэтому герой уподобился ребенку, переродившись духовно.

При анализе поэтических средств выявляется еще один важный для максимовской поэтики концепт – «ракушечный панцирь», символизирующий закрытость души. «Панцирь» для героев Максимова является «спасительным», когда человек несет в себе огромную тяжесть греха, что «слов еще не придумано, чтобы ее высказать». Такими предстают в повестях Тихон, Сергей Царев, дядя Ваня. Автор доказывает, что «постылая ракушка отчуждения» «сбрасывается» только под воздействием доброты и милосердия. Герои постепенно начинают верить людям и ценить человеческое участие.

В разделе «Проблема "мятущейся души" и способы ее воплощения в повести Владимира Максимова "Жив человек"» отмечается, что автор, продолжая горьковскую традицию в изображении людей «дна», поднимает философско-этические вопросы человеческого бытия (добро и зло, любовь и ненависть, долг и предательство) и разрешает их вполне самобытно. Обращение художника к нравственным проблемам «своего поколения» в аспекте христианской аксиологии явилось безусловным новаторством в советской литературе 1960-х годов. Это особенно ярко прослеживается во второй повести «Жив человек» (1962), опубликованной в 1964 году в журнале «Октябрь».

Написанная в лучших реалистических традициях, повесть поднимает проблему «мятущейся души». Мемуарная форма позволяет проследить путь совершенствования души главного героя: через испытания, страдания и ненависть – к осознанному добру и мудрости всепрощения. Идея повести заключается в важности осознания изначального добра в душе человека.

Максимов создает психологическую повесть, в основе которой – внутреннее состояние героя, «путь» его души. Задаче раскрытия психологии персонажа подчинен такой композиционный прием, характерный для художественной манеры письма Максимова, как использование нескольких планов изображения: мир, отражающий реальные события, мир снов, мир воспоминаний, мир мечты и фантазий.

В повести разрешается напряженный внутренний конфликт добра и зла в душе главного героя Сергея Царева, сопряженный с гибелью человека и связанный с пересмотром жизненных позиций, которые сформировались в сознании героя в результате драматических моментов его биографии на фоне эпохи в целом (сталинские репрессии, Великая Отечественная война). Автор, основываясь на христианском понимании добра и зла, раскрывает способность человека обнаруживать добро, отвергая «привитое» и «наносное» зло. Императив «жив человек» символизирует не только физическую жизнь героя, но и выражает христианский постулат о вечности человеческой души.

Параграф третий посвящен анализу проблемы «всепрощения» в повести Владимира Максимова «Стань за черту», решаемой писателем в русле философии христианства. Повесть «Стань за черту» – заключительная часть триптиха. Она соотносится с первыми двумя произведениями писателя не только по идейно-содержательным, но и формально-художественным признакам. Перед текстом повести «Стань за черту», как и в двух предшествующих произведениях, располагается эпиграф, тоже представляющий цитату, но не из произведений русской литературы, а из Библии. Если в повести «Мы обживаем землю» подчеркнут такой аспект проблемы, как преображение человека через познание окружающего мира, а в повести «Жив человек» – самосовершенствование через познание своей души, саморефлексию, то в повести «Стань за черту» возникает новый аспект: важность прощения всякого зла, то есть воспитание в душе высшей степени познания человека и жизни – «всепрощения».

⁶ Максимов, В.Е. Собр. соч.: В 9 т. / В.Е. Максимов. – М.: Терра, 1991. – Т. 1. – С. 34.

Здесь писатель все настоятельнее обращается к православной христианской аксиологии. Ключом к идейно-эстетическому содержанию произведения становятся слова из Евангелия от Матфея: «Сколько раз прощать брату моему... до семи ли раз?..». Эпиграф звучит как напоминание о божественных заповедях и ассоциируется с библейскими вневременными истинами, среди которых покаяние и прощение, добро и любовь.

Для осознания идейного замысла автора необходимо уяснить функции символических мотивов. Самый главный из них – «море» – обозначен уже в начале повести. Этот мотив в произведении имеет множество смыслов: море – это «природная тишина», гармония, но это и гибель, слепая стихия, готовая поглотить отжившее, некрепкое, гнилое. «Ночное море» символизирует сон совести героя.

Символика света и тьмы вводится автором для раскрытия извечной борьбы в душе человека сил добра и зла. Добро олицетворяют свет, льющийся из окна Клавдии, и светлое море, величаво играющее волнами. Однако Михей сидит не «на свету», не в тихой уютной комнате с женой и детьми. Он возвращается в свой дом ночью, в дом, «висящий» над пропастью: море подтачивает берег, и дом может «сползти» в любой момент. Море оттеняет, контрастирует, дополняет душевные порывы и трагедию героя. Море как поглощающая и очистительная стихия «присутствует» в момент гибели и минуту похорон главного героя.

Лейтмотивом через повесть проходит песня «Я люблю тебя, жизнь». Ее поют Андрей, Прохор, а также рабочие на кладбище. Эта песня сталкивается в финале с праздничной мелодией колоколов. Две «философии бытия»: «жизнь плотью» и «жизнь духом» противопоставляются в этих двух мелодиях – и побеждающе звучит колокольный благовест. Библейское пророчество, говорящее о бренности человека («из земли вышел, в землю и отыдеси») сбывается: живущего только плотью и убившего себя Михея поглощает земля. Клавдия же, живущая «делами духа», в финале повести идет по просторной дороге к горизонту. Таким символическим движением вперед и ввысь автор удостоверяет силу духовности в человеке.

Обращаясь к конфликту «отцов и детей», прозаик ставит ее по-своему, рассуждая над вполне современными вопросами: как вина отцов-революционеров отражается на новых поколениях и что должны делать дети, чтобы не быть отягощенными «едва из колыбели ошибками отцов и поздним их умом». При рассмотрении семантики названия повести становится очевидным, что выражение «стань за черту», представляющее категорический императив, означает прежде всего побуждение стать за черту зла и отчуждения от своих детей и всех близких.

Если в повести «Мы обживаем землю» Виктор Суханов судит все человечество, окружающих его людей, а в повести «Жив человек» Сергей Царев вершит суд преимущественно над собой (под влиянием жертвенной людской доброты), то в повести «Стань за черту» главного героя резко осуждают его дети.

Проблема предательства переплетается в повести «Стань за черту» с проблемой «отцов и детей», так как предательство христианской России, по мысли писателя, и есть вина отцов перед детьми. Поэтому образ одинокой безымянной женщины у мертвого причала – это символический образ России, а «мертвый причал» – это «гиблая в своей основе душа, жившая всегда только обидой и страхом и потому неспособная существовать более чем нынешним днем»⁷.

Традиционный для русской литературы конфликт «отцов и детей» решается Владимиром Максимовым в значимом для историко-аксиологического процесса XX столетия аспекте как «вина» старшего поколения перед младшим, которая должна быть осознана и искуплена покаянием, что является необходимым условием возрождения России.

В последнем параграфе первой главы «Динамика жанрово-поэтических средств в триптихе Владимира Максимова» отмечается весь важнейший для творческой концепции Владимира Максимова проблемный комплекс ранней прозы, которой воплощается при помощи особой системы средств художественной выразительности и изобразительности, таких, как сквозная мотивная символика, особый хронотоп, заключающийся в столкновении различных временных пластов и перемещений в пространстве, «олицетворенных» природных зарисовок. Прослеживается некоторая эволюция в развитии идейно-эстетической системы прозаика, раскрывающаяся от повести к повести. Одна из линий движения поэтики – усиление традиционных для русской литературы художественных средств (цитации, переключки сюжетов, аллюзии на тексты Библии и на произведения русских реалистов второй половины XIX ве-

⁷ Максимов, В.Е. Собр. соч.: В 9 т. / В.Е. Максимов. – М: Терра, 1991. – Т. 1. – С. 243.

ка, обращение к фольклоризму) при обрисовке основных черт русского национального характера (Виктор Суханов, Сергей Царев, Михай Савельевич) – просматривается от первой повести «Мы обживаем землю» к повестям «Жив человек» и «Стань за черту».

Следующая ярко проявляющаяся линия динамики поэтической системы Владимира Максимова – это движение от лирической исповедальной прозы к драматической. Если в первых двух произведениях повествование ведется от лица главного героя (в повести «Мы обживаем землю» – Виктор Суханов, а в «Жив человек» – Сергей Царев), то в третьей появляется безличный рассказчик, который особым приемом «вторжение прямого авторского голоса» отделен от биографического автора – творца. В повести «Стань за черту» авторская задача усложняется тем, что автора интересует уже не саморефлексия отдельной личности, а система взаимоотношений человека с человеком и обществом.

Максимов не только решает психологические и нравственные задачи – через анализ характеров своих современников писатель раскрывает сущность тех исторических событий, свидетелями и участниками которых они были. Так, минувшая Великая Отечественная война, в понимании автора, – это не только наши беды и трудности, не только поражения и победы, но и великий нравственный подвиг народа, приобщиться к которому и измениться при этом внутренне было дано каждому. Мотив войны является сквозным во всех пяти повестях.

Обобщая все сказанное о первом повествовательном триптихе Владимира Максимова, можно констатировать, что повести «Мы обживаем землю», «Жив человек» и «Стань за черту» представляют собой некую циклическую целостность, определяющуюся единством проблематики (при доминировании проблемы самопознания личности) и поэтико-изобразительных средств. От первой повести «Мы обживаем землю» к последующим – «Жив человек» и «Стань за черту» наблюдается явная динамика в сторону усиления драматургичности повествования и усложнения подтекстовых ассоциаций, а также включения различных по выполняемым функциям снов. В повестях особый хронотоп, сталкивающий «закрытое» настоящее время и «открытое» историческое время.

Вторая глава диссертационного исследования «**Философско-этический аспект проблемы взаимоотношений личности и личности общества в повествовательной диалогии Владимира Максимова ("Дорога" и "Баллада о Савве")**» включает в себя четыре параграфа.

Первый параграф «Концепт "дорога" в повестях Владимира Максимова "Дорога" и "Баллада о Савве"» посвящен выявлению отличительных и сближающих черт двух произведений, входящих в цикл.

Повести «Дорога» и «Баллада о Савве» имеют очень существенное отличие от триптиха писателя: в них обнаруживается новый тип героя, решающего проблему смысла бытия в связи с общенародной судьбой, а не индивидуально.

Исследуя динамику художественной системы русского прозаика, прослеживаемую во всех его повестях, можно с уверенностью говорить о движении Владимира Максимова к крупным эпическим формам, к роману, так как и «Дорога», и «Баллада о Савве» – это уже больше чем повести.

Философское осмысление времени, глубокое проникновение в психологию современников, оценка сложных жизненных явлений во всей их совокупности, к чему так тяготеет в своих повестях В. Максимов, предполагает более глубокий разговор о бытии, который возможен только в жанре романа.

Владимир Максимов вводит в свои повести новый тип героя: от героя отщепенца, бродяги писатель приходит к изображению «типичного представителя» литературы социалистического реализма, но, показывая его положительные стороны, Владимир Максимов вступает в полемику с той линией русской литературы, которая демонстрировала построение светлого будущего народа путем жертвенного подвига миллионов коммунистов.

В этих произведениях, как и в последующих романах Владимира Максимова, чувствуется влияние идей Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Не случайно обе повести имеют заголовки глубокого философского наполнения. Первоначальное название «Баллады о Савве» – «Шаги к горизонту» – тоже усиливало концепцию автора: идею о необходимости поиска человеком пути к «горизонту», к «небу», к Богу. Проблема преображения личности, ее второго, духовного (первое рождение всегда во плоти) рождения является сквозной для всех пяти повестей писателя.

Диптих отличается от первых повестей отсутствием в «диалогии» эпиграфов, сменой императивных заголовков на номинативные, с отсутствием категоричности. Повесть, имевшая название «Шаги к гори-

зонту», в зарубежных изданиях приобрела более конкретное, сосредотачивающее внимание на судьбе центрального персонажа название «Баллада о Савве» или «Сага о Савве». Этот факт не говорит о смене жанра – автор лишь акцентирует внимание на героико-романтическом строе произведения с притчевыми ответвлениями (история Васены, Кирилла, Сашки).

Концепт «дорога» – символ смысла человеческого бытия, ради которого и идет человек по своей жизненной дороге, – возникает в повестях Максимова как определяющий сюжетобразующий и аксиологический мотив.

Дорога – это не только смысл жизни, надежда на светлое будущее, но и просто «кормилица», как земля. Лишившись работы, люди испытывают страх за свою жизнь, неуверенность в завтрашнем дне. Грибанов, начальник строительства, осознает, что люди «убиты» тем, что у них отняли возможность трудиться «во имя» и «на благо». Самое страшное последствие остановки строительства дороги – это, по убеждению главного героя, рождение равнодушия в сердцах, потеря энтузиазма, желаний преобразовывать жизнь в лучшую сторону.

Главный герой должен сойти с «трассы» на таежную тропинку, что имеет глубокий подтекстовый смысл: жизнь шла к концу, нужно ее осмыслить и подытожить. Герой в вынужденном бездействии «направлен» не только в глубь многовекового леса, но в глубь себя для осознания пути своей души, совершенствование которой и должно осознаться как единственная цель жизни.

Как и герои первых повестей Виктор Суханов, Сергей Царев, Михей Савельевич, главный персонаж повести «Дорога», усиленно сопротивляясь, все же приходит к необходимости пересмотра жизни, к покаянию. Но если у первых героев раскаяние происходит в области совершенного ими зла, то у Ивана Васильевича – это осознание неправильно избранной цели: инженер-строитель был честен на своем пути, но дорога его вела «в никуда».

На новой «тропе» Иван Васильевич вступает с «Божьим человеком» Кириллом в принципиальный спор, в «единоборство за души человеческие». Проигрывая поединок, герой так и не сумел воспользоваться шансом, который ему дала судьба: переосмыслить свой путь и «преобразиться».

Параграф второй посвящен рассмотрению проблемы праведничества в повествовательной диалогии Владимира Максимова.

Неверие – это всегда, по Максиму, путь к самоистреблению, поэтому писатель все настойчивее разрабатывает тему веры. В повестях «Дорога» и «Баллада о Савве» праведники Кирилл и Васена являются общими персонажами. Писатель делает заключение, что в народе зреет тяга к христианской вере, но она еще неглубока. Стремление жить «по-Божьи» определяется желанием обрести душевный покой, преодолеть духовную хворь, выражающуюся в ожесточении, равнодушии, унынии.

Отличительной чертой повествовательной диалогии «Дорога», «Баллада о Савве» («Шаги к горизонту») является возросший критицизм автора по отношению к советскому обществу. Если в повести «Дорога» эта критика звучит из уст второстепенных персонажей, а главный герой Иван Васильевич Грибанов и «большевики» Алексей Царьков, Башкирцев, Каргин противостоят всякой критике своей искренней верой в идеалы партии, то в «Балладе о Савве» в полный голос звучит тема несвободы человека в собственной стране, ставшей для него «чужбиной».

Анализу этой проблемы посвящен **третий параграф** диссертации «**Антиномия "родина-чужбина" в повестях Владимира Максимова "Дорога" и "Баллада о Савве"**». Тяжелая «громадина» черной баржи, как таран, наступающий на человека, – это символ тоталитарного режима, который превращает личность «в песчинку», обесценивая ее. Савва и Сашка, Васена и Кирилл, как и все остальные персонажи, постоянно чувствуют психологический синдром погони, слезки, преследования. «Тягостная тень» режима лежит на всем, заставляя человека бояться, «тлеть». Люди стали частью «тусклой реки, тяжелого, низкого неба», и все, что «жило, звучало, цвело вокруг», проходило сквозь них. Личность распадается и гибнет. Но доброта и Вера, как утверждает повествователь, спасет народ, прошедший через жуткие страдания. Как свидетельство этому, в повестях показаны добрые отношения между бродягами, ворами, беспризорниками, которые вынуждены объединиться, чтобы выжить. Недостроенный театр, ставший пристанищем уголовников, красноречиво свидетельствует о гибели мечты пролетариата о

равенстве и братстве. Руины говорят о поругании культуры прошлого, о деградации общества, для которого более важным стало строительство сотен лагерей и тюрем.

Не всем, как главному герою, удалось достичь «горизонта» и найти «стержень жизни». Трагическая история Сашки, сироты, искалеченного и убитого «чужбиной», убедительное свидетельство того, что выйти с «живой» душой из схватки с Системой могут только очень крепкие духом люди, такие, как Степан, Васена, Кирилл, Бекман. Сашка от рождения не имеет собственного имени, оно у него нарицательное, штамп из расхожего анекдота. Безымянность героя – знак людской бесприютности, богооставленности. Злобный инспектор назвал его именем великого русского поэта, чтобы унижить, ибо взято имя Пушкин не из величавого ореола поклонения гению, а из пошлого расхожего анекдота: «Кто будет отвечать? – Пушкин!», «Кто твой отец? – Пушкин!». «Пушкин» в анекдоте – это безличная стертость, употребляемая по привычке в бытовых ситуациях со значением «никто» и воплотившая всю низость травестирования, всю пошлость сведения уникальности ко всеобщности.

Имя «Пушкин», применяемое в анекдотическом концепте, – это показатель духовной деградации нации. В близком к Владимиру Максимова смысле употребляется концепт имени поэта в травестированном фрейме и в романе Татьяны Толстой «Кысь»: «Пушкин-кукушкин» – называют его мутанты, потерявшие связь с прошлым, с великой культурой.

В образе Саввы соединены все аспекты философской проблемы смысла пути человеческого, судьбы России, которые разными гранями выявлялись автором в его пяти повестях. Герой повести «Мы обживаем землю» Виктор Суханов видит цель жизни в познании людей, которых он судит с позиции Добра. Сергей Царев в повести «Жив человек» изучает себя и судит себя, пытаясь найти в глубинах своего духа разрешение всех «проклятых» вопросов бытия. Центральный персонаж повести «Стань за черту» осужден за своеволие и жесточенность духа своими детьми, вину которого они разделяют. Иван Васильевич Грибанов в повести «Дорога» лишается ложного смысла своей жизни, видя бесплодность идеалов, ради которых он прожил жизнь. Но лишь Савва Гуляев, познав себя и людей, а также себя среди людей, отвергает ложную идеологическую систему ценностей и находит через покаяние, сострадание и любовь к ближнему истину, которая ведет к гармонии мира.

В последней части второй главы – **четвертом параграфе «Особенности пространственно-временных отношений в повестях Владимира Максимова»** подчеркивается, что хронотоп в повестях Владимира Максимова служит важнейшей формой выражения авторского сознания и определяет особенность эстетической системы писателя.

В повестях писателя доминирует повествовательный хронотоп, ориентированный на непосредственное описание реальных событий в связи с событиями внутриличностными в их мифопоэтическом аспекте (то есть с использованием архетипических моделей «путь», «дом», «лес», «блудный сын»). Все события изображаются как живой контакт с «незавершенной, становящейся действительностью» (М.М. Бахтин). Концепция времени у Владимира Максимова несет его оценку действительности. Время в повестях пульсирующее и цикличное, одновременно замыкающее круг бытия, повторяющееся.

Центральные персонажи произведений Владимира Максимова обладают, как правило, хронотопами, совпадающими с хронотопом автора-повествователя. Особенность времени и пространства, их соотношенность проявляется для него в том, что «человек есть запись всемирной истории», а память – это хранитель всего земного времени, «отрывок» которого может быть «прочитан» рефлексивной личностью в любой момент бытия. Основу повествовательного хронотопа у Владимира Максимова составляет восприятие времени и пространства «сгущенным» в критические моменты бытия и «разряженным» – во время счастливых минут.

С помощью сложных взаимосвязей художественного пространства и времени в повестях Владимира Максимова рождается эстетическая концепция мира, возникает объективизация реальности через психологию отдельной личности. В состав пространственно-временных форм у писателя входят: сюжет как цепь событий и поступков, система образов, пейзаж, портрет, вводные эпизоды, а также внетекстовая сфера произведения.

С одной стороны, пространство-время включается в сознание героев всех повестей В. Максимова как антиномия «родина-чужбина», неразделимая в своей основе, потому что на море и на суше, в тайге и в степи персонажи чувствуют себя не как дома, а как в клетке, в тюрьме. С другой стороны, персонажи ощущают всей своей сущностью, что между ними и другими людьми, даже самыми близкими, рас-

стояние в тысячи километров, «мертвая зона людского отчуждения». Это пространство без любви, зона людской ненависти и равнодушия.

Максимовские герои испытывают на себе удушающую силу этого целенаправленного отчуждения, когда пространство вокруг, словно опоясанное загонными флажками, сужается «до размеров почти смертельной петли».

В самой сложной в композиционном отношении повести «Баллада о Савве» ко всем характерным чертам максимовского хронотопа присоединяется такая важная примета, как противопоставление закрытому биографическому времени и пространству открытого исторического времени. Это противопоставление отражено в архитектонике повести.

Жизнь личности в «Балладе о Савве» воспринимается в связи с определенной исторической обстановкой и мотивируется ею. В тексте возникает и повторяется метафорический образ Времени, эпохи революционной ломки евангельского стереотипа мышления на коммунистический в ее зрелой стадии, когда четко проявляются «плоды революции»: удесятеренное насилие над личностью и ее духовная деградация.

Савва продолжает то, чем закончил Грибанов: осознанием Благодати природы, приносящей гармонию в человеческую душу, поэтому действие в повести начинается с восприятия мира как «тишины».

Ценностное отношение главных героев к действительности в повестях Владимира Максимова различное. Именно Савва, по нашему убеждению, в своем мировоззрении выражает авторские взгляды. Это наиболее «автобиографический» герой Максимова, который будет и в дальнейшем творчестве прозаика неоднократно воплощаться (Вадим – в «Семи днях творения», Борис – в «Карантине», Влад – в «Прощании из ниоткуда», Лева Самсонов – в «Кочевании до смерти»), обнаруживая новые и новые грани своей личности. То обстоятельство, что Савва является «героем автора», доказывается ценностным отношением персонажа к различным событиям, которое совпадает с авторскими прямыми оценками.

В повестях Владимира Максимова преобразующая сила памяти очищает моменты земной жизни от случайного, незначительного, акцентирует внимание личности на высших судьбоносных смыслах бытия, в результате герои устанавливают истинное время – время преображения личности, ее устремления к Свету. Смыслом человеческого бытия, таким образом, признается наличие в нем моментов, причастных к вечности и освобожденных от власти мелкого, сиюминутного.

В заключении, которое построено на выводах каждой главы, подводятся общие итоги исследования.

Ранние повести Владимира Максимова по своим идейно-эстетическим параметрам и жанрово-стилевым особенностям явно разделяются на два циклических образования: триптих о «мятущейся душе» («Мы обживаем землю», «Жив человек», «Стань за черту»), и диптих о путях духовного преображения человека («Дорога», «Баллада о Савве»). Такая циклизация обосновывается единством авторского замысла, сходством проблематики и близостью способов ее художественного воплощения. В триптихе входят повести, имеющие заголовки в виде императивных предложений, перекликающиеся друг с другом эпитафии, утверждающие идею борьбы доброго и злого начал в человеке и обнаруживающие своеобразную динамику нравственных идей (от мыслей М. Горького, Л.Н. Толстого к Евангелию).

В художественных текстах триптиха выявляются своеобразные знаки-указатели (перенесенные из одной повести в другую герои, ситуации, цитаты), которые позволяют судить о намеренной авторской интенции, заключающейся в подчеркивании цикличности, взаимосвязанности этих произведений, объединении их в некое целостное образование.

Диптих («Дорога» и «Баллада о Савве») характеризуется отсутствием эпитафий и императивных заголовков. Оба заглавия повестей несут в себе семантику архетипа пути, поисков истинных целей бытия идущего по жизненной дороге человека. Эти повести отличаются доминирующей социальностью и критической направленностью по отношению к обществу «развитого социализма». Важной составляющей философско-этического содержания диптиха является символический подтекст, основанный на христианской аксиологии. «Дорога», по мысли Максимова, – это путь человека к Богу.

Проблема преображения личности решается во всех пяти повестях (в триптихе – во внутриличностном аспекте, а в диптихе – социально-философском) при явном воздействии идей Ф.М. Достоевского, что многократно подчеркивалось самим писателем в его интервью и публицистических произведениях.

Таким образом, повести Владимира Максимова 1960-х годов являют собой зрелые оригинальные произведения молодого автора, объединенные сквозной философской проблемой поиска высшего смысла человеческой жизни, воплощаемой целой системой поэтических средств. Они представляют собой идейно-эстетическое единство, обладающее признаками цикличности, и одновременно являются текстами-предтечами будущих романов писателя, так как содержат в концептуальном варианте все дальнейшие авторские эпические замыслы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

- 1 Жукова, Т.Е. Булгаковская традиция в романе В. Максимова «Ковчег для незваных» / Т.Е. Жукова // IX Державинские чтения: Матер. науч. конф. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – С. 36 – 37.
- 2 Жукова, Т.Е. Проблема «мятущейся души» в повести В. Максимова «Мы обживаем землю» / Т.Е. Жукова // IX Научная конференция ТГТУ: Пленар. докл. и кр. тез. – Тамбов, 2004. – С. 155 – 156.
- 3 Жукова, Т.Е. Проблематика романа В. Максимова «Ковчег для незваных» / Т.Е. Жукова // Труды ТГТУ: Сб. науч. ст. – Тамбов, 2004. – Вып. 16. – С. 125 – 128.
- 4 Жукова, Т.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в художественном отражении Владимира Максимова / Т.Е. Жукова // Художественное слово в современном мире: Сб. науч. ст. / Под ред. И.М. Поповой; ТГТУ. – Тамбов, 2004. – Вып. 7. – С. 31 – 33.
- 5 Жукова, Т.Е. Проблема исцеления души в повести В. Максимова «Жив человек» / Т.Е. Жукова // Гуманитарные науки: проблемы и решения: Сб. науч. ст. – СПб., 2004. – Вып. 2. – С. 180 – 184.
- 6 Жукова, Т.Е. «Герой нашего времени» в ранних повестях Владимира Максимова / Т.Е. Жукова // Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия: Сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2004. – С. 39 – 41.
- 7 Жукова, Т.Е. Личность и общество в повести Владимира Максимова «Дорога» / Т.Е. Жукова // Текст: теория и методика в контексте вузовского образования: Сб. ст. II Всеросс. науч. конф. – Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2004. – С. 56 – 60.